

3. Альтернативы

При обсуждении предыдущей версии этой работы А.Улунян писал: «Можно было бы задать автору вполне закономерный вопрос: а существуют ли возможности какого-либо успешного реформирования без отказа от коммунистической тотальной идеологии и преступной практики таких режимов»³. Такая постановка вопроса не представляется мне вполне оправданной применительно к периоду 70-х — первой половины 80-х гг. Официальная идеология уже потеряла свою тотальность, а «преступная практика», при всей относительности этого понятия, также в целом не выделялась на мировом фоне. Но главное не это. Успешное реформирование сложившейся системы могло начаться только изнутри. Военный разгром СССР в это время был невозможен. Недовольство, вызревающее в обществе, пока не могло вылиться в формы массового ненасильственного политического протеста в масштабах всей страны. В СССР не существовало легальной оппозиции. Реформистская группировка в высшем руководстве могла усиливать свои позиции только при условии крайне осторожных действий, укрепления своей защищенности со стороны окружающих ее бюрократических структур, имевших иное представление о необходимых переменах. Поэтому скрытое выдвижение реформистов в высший эшелон власти имело ключевое значение для выбора варианта реформ и момента их начала. Но сами реформисты не могли на начальном этапе отказываться от коммунистической идеологии. Впрочем, как показал более поздний опыт 90-х гг., реформирование, основанное на радикальном отказе от коммунистической перспективы и социалистических ценностей, не оказалось более удачным, чем курс, базировавшийся на преемственности.

В середине 80-х гг. сигнал к нарушению равновесия, к «перестройке» могла подать лишь группа, неуязвимая со стороны остальных. Таковой в СССР начала 80-х была только правящая олигархия. Иначе возникал эффект «фальшстарта» — борьба за место под солнцем, за новую расстановку социальных сил могла начаться только одновременно. Всякая социальная группа, которая рискнула бы начать такую борьбу прежде других, неминуемо должна была вызвать недовольство остальных и быть подавлена.

Хрупкость (при всей прочности) существовавшей в СССР социально-экономической структуры определяла алгоритм преобразований, необходимых для преодоления инерции системы. На первом этапе был важен не столько характер преобразований, сколько их интенсивность, достаточная для того, чтобы вырваться из вязкой системы, вызвать ее разрушение. Но как только это разрушение началось, принципиально важным становится создание и развитие альтернативных монополизму экономических и социальных структур. Авторы преобразований 1979—1985 гг. исходили из пря-

мо обратных посылок — осторожность реформ и ставка на уже существующие в стране социально-экономические структуры. Поэтому до 1985—1986 гг. последствия всех изменений гасились системой, и структурный кризис продолжал нарастать.

Правящая элита все в большей степени стремилась к окончательному преодолению отчуждения от собственности. Это выражалось в усилении коррупции, дополнительно ухудшавшей социальное положение населения, а также в так называемых «ведомственности» и «местничестве», усиливающих противоречия в среде правящей элиты. Значительная часть бюрократии стремилась превратиться в буржуазию, но психологические (в том числе поколенческие) стереотипы и боязнь «опоздать к столу», на котором будут делить собственность, заставляла чиновнические кланы пока выступать против такого раздела. Необходимо было сначала оговорить условия и ослабить конкурентов. В то же время экстенсивный характер развития производства, характерный для зрелой стадии развития индустриального общества, в сочетании с «экономикой дефицита», порожденной сверхмонопольной моделью отечественного хозяйства, привел к усилению дефицита ресурсов и обострению борьбы вокруг их распределения. Это обостряло борьбу «в верхах».

Постепенно в СССР сформировались две взаимопересекающиеся группы коалиций. Первая («консерваторы», «пуристане» и «реформисты») была связана с социально-психологической и идеологической ориентацией руководителей, а вторая («ведомственная» и «местническая» группировки) — с их корпоративными интересами. В 1978—1982 гг. доминировали «консерваторы», все в большей степени опиравшиеся на «ведомственную» группировку. В 1982—1983 гг. власть перешла к «пуристанской» коалиции, в состав которой входили и «ведомственная», и аграрно-«местническая» группировки. Последняя была реформистской, что не афишировалось. Централизаторская политика «пуристан», направленная против региональных «консерваторов», только укрепляла позиции «местников»-реформистов на местах. По мере нарастания кризиса «ведомственная» и «пуристанская» группировки разлагались. В итоге к 1985 г. образовались две социально-политические коалиции. В первую входили «консерваторы» и часть «ведомственных» «пуристан» (прежде всего высший эшелон группировки), а во вторую — «реформисты», поддерживаемые «местнической» группировкой и «вторым эшелоном» «ведомственников». В социальном отношении основную силу обеих коалиций составляла партийная, военная и хозяйственная бюрократия, но при этом вторая группировка в большей степени пользовалась поддержкой аграрного и промышленного директората. На ее стороне были симпатии руководства КГБ и в значительной степени — Министерства обороны. Лидерами первой группировки были Н.Тихонов и Г.Романов, лидером второй стал М.Горбачев.

По мере развития общей культуры населения все большее количество людей начинало обращать внимание на охватывающий СССР кризис. Обстановка психологического недовольства способствовала быстрому распространению соответствующей информации, даже когда телевидение, радио и

газеты сообщали прямо обратное. Недовольство условиями своей собственной жизни превращалось (пока у меньшинства) в недовольство системой. Однако даже если большинство признавало справедливость и оправданность существующих порядков, ощущение «Так жить нельзя» и «Мы ждем перемен» становилось доминантой социальной психологии. Общество готово было поддержать перемены, но плохо представляло себе их формы и последствия.

Доминирующими идейными течениями этого периода были: официальный марксизм-ленинизм в его интернационалистической и державно-националистических разновидностях, славянофильство (как правило также державное), либеральное западничество и «народничество» — неортодоксальный демократический социализм. Эти направления вступали друг с другом в разнообразные альянсы и конфликты на ниве культурной жизни, будь то литература, музыка, история, театр или кино, религиозная жизнь. Официальная идеология вела борьбу против всех видов неортодоксальности, но это уже давно не была борьба на уничтожение. Многократно критикуемые, деятели культуры не отказывались от своих взглядов, но и не переходили в решающие атаки на режим, способные изменить его характер. Они пока лишь готовились к такому наступлению, к решающей борьбе за умы общества и правящей элиты. Выстраивалась социальная инфраструктура будущих «партий» времен Перестройки — патриоты и либералы «окапывались» в толстых журналах, народники исследовали мыслителей прошлого и пели песни, западники писали в самиздат или делали партийно-государственную карьеру.

На основе слоя специалистов-интеллигентов (в условиях СССР — среднего слоя) формировались зачатки гражданского общества — горизонтальных, независимых от государства связей как основы общественной активности. Однако пока это были изолированные друг от друга круги неформального общения, связанные с музыкальной культурой, хобби, семейными и дружескими узами, и лишь иногда — с общественной активностью. Крупнейшими общественными движениями того периода были экологическое, педагогическое, песенное и правозащитное. Только последнее носило открыто оппозиционный характер. Попытки небольших радикальных групп открыто вступать на путь правозащитной борьбы встречали противоречивый отклик в среде среднего класса — часто враждебный. Гражданский потенциал интеллигенции еще оставался только потенциалом, «класс специалистов» еще только начал превращаться в основу гражданского общества.

Но развитие культуры средних слоев от канонов индустриального общества к постиндустриальным плюралистическим и индивидуализированным интересам само по себе приводило к росту инакомыслия. Консервативный идейно-политический каркас системы не был рассчитан на новые запросы интеллигенции и в то же время не имел возможности подавлять стремления средних слоев с помощью широкомасштабных репрессий. В итоге все большее количество людей теряли лояльность режиму не в результате политической оппозиционности, а из-за неспособности системы подстроиться

под новые творческие и «виртуальные» интересы людей (будь то желание авторов «Метрополия» публиковать аполитичные произведения, отрицающие каноны «социалистического реализма», любовь молодежи к нетрадиционной музыке или повальную склонность к приобретению яркой модной одежды). Противопоставляя себя неконтролируемому художественному творчеству, режим провоцировал средние слои на переход к творчеству социальному.

В то же время под давлением властей оппозиционное движение структурно и идейно стало возвращаться к своим неформальным корням, а неформальное движение — радикализироваться и, таким образом, эволюционировать к оппозиционности. К началу Перестройки общественные движения имели смутные представления друг о друге, часто относились друг к другу подозрительно. Тем не менее они контактировали и обменивались идеями. В это время в общественных течениях формировались многие черты, которые будут характеризовать их в дальнейшем. Важнейшей из них представляется структурная подвижность, противоречие между коллективной солидарностью и потребностью в индивидуальной самореализации, между общественными задачами и субкультурной замкнутостью.

Наличие разветвленных неформальных связей в обществе позволяло формироваться общественному мнению и идеологическому спектру, включавшему в себя широкий круг идей индустриальной эпохи от анархизма до нацизма и от социал-демократии до либерализма. Взгляды большинства общественных идеологов конца 70-х — начала 80-х гг. были проникнуты стереотипами индустриализма и обращены скорее в прошлое, чем в будущее. Либерально-западнический «анклав модернизации», консервативно-авторитарное почвенничество и антиавторитарный социализм вели полемику между собой и были готовы к схватке за сердце правящей элиты. Обществу уже в этот период был знаком идейный плюрализм и неформальная, независимая от государства социальная инфраструктура. Это делало централизаторскую альтернативу преобразований в СССР малоперспективной. В России авторитаризация (в отличие от тоталитаризма и демократизации) могла пользоваться успехом лишь в качестве действий по «наведению порядка», а не долгосрочной стратегии. Общественное мнение СССР было в значительной степени известно руководителям СССР, хотя открыто проявлялось не часто. Попытки наступления на общественность в первой половине 80-х гг. показали ограниченность возможностей власти — однажды попробовав вкус самостоятельного мышления и обсуждения социальных проблем, люди уже не могли от него отказаться. В целом общество противостояло идее централизаторской модернизации за счет «затягивания поясов». Эти настроения охватили также и широкие слои правящей элиты, что в конечном итоге стало решающим фактором выбора ее лидеров.

Общественная среда России могла бы поддержать реформы, основанные на антиавторитарных и социальных ценностях. Реформистской группировке предстояло хотя бы в общих чертах разработать модель таких преобразований. В конкретных условиях первой половины 80-х гг. «либералам» из правящей элиты не нужно было искать модель реформ самим. Концепции, об-

суждавшиеся в неформальных кругах общественности фокусировались и формулировались диссидентской средой, затем проникали в «либеральные» круги научной и творческой элиты, советников правящей элиты, а от них в адаптированном виде — к «реформистам» в правящей группе. Таким образом общественность СССР, пусть и косвенным образом, сыграла важную роль в том выборе, который был сделан в 1985 г.

Результатом выбора альтернативы М.Горбачева стали кадровые чистки и антиведомственный курс 1985—1991 гг., который привел к резкому усилению региональных кланов правящей элиты (особенно ее «второго эшелона»), демонтаж отраслевой системы управления экономикой и рост самостоятельности хозяйственных субъектов при сохранении их монополистического характера. Быстро произошел окончательный распад «пуританской коалиции», выразившийся в последовательном отстранении военных от участия в политической жизни, в курсе на разоружение в ущерб ВПК. На поверхность социально-политической жизни вышли мощные этнические, популистские и гражданские движения, на некоторое время была достигнута свобода слова и самоорганизации. Распался «социалистический лагерь» и СССР, мировая гегемония перешла к альянсу государств НАТО и мусульманских стран.

Негативные и положительные последствия этого варианта реформ хорошо известны и многократно обсуждались. Однако при их оценке следует учитывать три важных фактора:

— Помимо деструктивного потенциала реформы освободили и значительный потенциал социального творчества — конструктивного низового созидания новых общественных форм. Его элементы существовали, но были еще очень слабы. Значение социального творчества может быть оценено позднее, по мере проявления долгосрочных результатов этого процесса.

— В 1985 г. была пройдена не последняя «развилка» в истории страны, и многие явления конца 80-х — начала 90-х гг. были результатом более поздних явлений и решений.

— Острый структурный кризис сверхмонополистической этакратической индустриальной модели развития СССР был неизбежен и начался до прихода М.Горбачева к власти. При всех недостатках варианта реформ, который определялся интересами стоявшей за М.Горбачевым коалиции, эта альтернатива отличалась от других большей гибкостью. Синхронность протекавших в стране разрушительных процессов была нарушена регионализмом и плюрализмом курса Горбачева, сформулированного в неформальной общественной среде и заимствованного правящей группировкой. Нельзя исключать, что сохранение жесткой структуры управления и дисциплинарный нажим на население и хозяйство в условиях форсированной модернизации мог вызвать гораздо более масштабную и разрушительную кон-

фронтацию, нежели та, свидетелями которой мы были во второй половине 80-х — первой половине 90-х гг.

В заключение автор хотел бы выразить глубокую благодарность Институту Всеобщей истории, Педагогической ассоциации «Китеж», Информационно-экспертной группе «Панорама», редакции газеты профсоюзов «Солидарность», Ю.Кузнецову за большую интеллектуальную и организационную помощь в подготовке этой книги. Автор благодарен также всем, кто предоставил свои материалы и воспоминания для этой и следующих работ по истории нашей страны в 80-е—90-е гг. XX в. Если Вы также хотели бы поделиться своими воспоминаниями об этой эпохе, то можете направить их по адресу:

117334 Москва, Ленинский проспект, д. 32-а, Институт Всеобщей истории РАН, Шубину А.В.

Примечания

1. Швейцер П. Указ. соч. С. 6, 461.
2. Забелин С. Указ. соч.
3. Улунян А. О том, что было до... Горбачев оказался не слишком гибким перестройщиком // Независимая газета. 19.02.1998.